

Романы для девочек

Сестры ВОРОБЕЙ

Боря+Лена=Л..

«РОСМЭН»

Вера и Марина Воробей

Боря + Лена = Л...

Серия «Романы для девочек»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163027
Боря + Лена = Л...: Росмэн-Пресс; 2005
ISBN 5-353-01277-1

Аннотация

Борька Шустов, идейный вдохновитель общества женоненавистников, неожиданно для себя влюбился в Лену Серову. С некоторых пор мысли об этой светловолосой, голубоглазой девушке, пришедшей в их класс три года назад и державшейся особняком, не давали ему покоя.

Он понять не имел, как к ней подступиться. А тут еще Максим Ёлкин, давнишний воздыхатель Лизы Кукушкиной, тоже вдруг стал западать на Лену. И Шустов понял, что действовать нужно решительно.

Содержание

1	4
2	14
3	23
4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сестры Воробей

Боря + Лена = Л...

1

«Февраль начался с аномальной оттепели», – сообщил вчера по телику бодрый синоптик в очках. И точно. На небе сияло солнце, припекало как в весенний денек. Сугробы недовольно осели под его лучами. А воробьи оживились, зачирикали на ветках, весну, видно, вспомнили, только рано, будут еще и морозы, и вьюги.

В школе, в метро, на улице, повсюду, и даже дома, обсуждали это аномальное явление. Однако Борьку Шустова воспрос погоды мало волновал. Его устраивало все – по принципу у природы нет плохой погоды. Его не устраивало другое. Вторую неделю подряд он провожал Лену Серову до булочной на углу, покорно и в общем-то не без удовольствия неся на плече ее рюкзак вместе со своим, а дальше девушка говорила ему: «Пока!» – и спокойно уходила.

Все в классе уверены, что его роман с Ленкой в самом разгаре, а он не только ни разу ее не поцеловал, но даже не смог никуда пригласить. Все у нее дела какие-то. Тоже мне, деловой перец выискался! И главное, был бы у нее бойфренд какой-нибудь, так ведь нет такого в наличии.

Скоротечный роман с Колькой Ежовым не в счет. Тот пометался, как лосось на нересте, а потом опять к берегу прибил, то есть к своей ненаглядной Юлечке, зануде, батанке и старосте. Колька, правда, считает, что она самая-самая. Борька не спорит. К чему на пустом месте базар разводить? Это, как говорится, дело вкуса: кому халва, кому пряники. Главное, что Колька ему не соперник. И хорошо, как-никак они все же приятели. А вот Максим Елкин – конкретная Борькина проблема. Два года кряду этот двухметровый гений, знающий все на свете, был влюблен в Лизку Кукушкину, и вдруг нате вам! На Ленку стал западать, будто других девчонок вокруг мало. Ну, Борька ему втолковал при случае, чтобы тот на чужую территорию не зарился. Разговор получился не очень цивилизный, но Борька на это и не рассчитывал.

– Пошли, проблемку перетрем, – предложил он.

– Пошли, – согласился Макс.

– Ты это, от Ленки отвали, – прямо заявил Борька, едва они уединились под черной лестницей, где происходили все школьные разборки.

– С какой такой радости? – Отличник пальцем подтянул на переносице очки, вместо того чтобы от греха подальше снять их и убрать в карман. – У тебя что, эксклюзивные права на нее?

– Мое дело предупредить. Ты пойми, Макс, в жизни всякое случается, – мягко, почти по-дружески напомнил Борь-

ка и невинно поинтересовался, разминая костяшки пальцев: – Тебе, случайно, асфальтовой болезнью не приходилось болеть?

– Ты меня не доставай, Шустов, у меня на угрозы аллергия начинается, – с натянутой усмешкой заметил Максим, и Борька его едва не зауважал: в глазах за стеклами явный испуг, а хорохорится.

Собрался он Максу, конечно, врезать меж глаз, чтобы поучить, но тут Кахобер Иванович подоспел. Во второй раз, между прочим! У классного просто нюх на такие разборки. Чуть где инцидент возникает, он поблизости – усами своими шевелит, как тараканище в сказке Чуковского. А вообще-то Кахобер нормальный мужик. Несправедливости не терпит, предмет свой знает дай бог каждому историку, «бэшек» особенно не прижимает, дает проявиться индивидуальности. Вероятно, поэтому у них в классе две звездные знаменитости образовались: в Кукушкиной Лизе литературный талант проснулся, ее рассказы в молодежных журналах появились. И Туська Крылова в актрисы заделалась, в сериале по ящику чуть ли не каждый день показывают. Что-то типа «Простых истин». Борька не вникал, у него и без этого забот хватает. Дома реальное шоу, на которое не забьешь, и еще Ленка.

Он давно на нее глаз положил, вот только не знал, как к ней подступиться. Красивая, гордая, в классе подруг нет. Всегда одна. Оно и понятно, многие девчонки ей завидуют

– она стильно одевается, и не в ширпотреб с рынка. Всем известно, что Ленка мастерица, шьет лучше любой портнихи-профи. Талант у нее такой – от Бога. Да и пришла она к ним в класс три года назад, когда все нормальные девчонки уже в дружбе определились и на парочки разбились. Лизка с Туськой дружат чуть ли не с пеленок, Маринка – с Юлькой, к тому же и породнились, поженив папу Юли и маму Марины, Анька с Ирккой, последняя в художницы метит. В общем, у каждого своя туса сформировалась, проникнуть в нее так же сложно, как в хранилище золотого фонда страны.

– Борь, – сказала Ленка, которой, видимо, надоело молчать, – а зачем вы это общество женоненавистников организовали?

– По дури, – усмехнулся он, вспоминая, как пятеро балбесов (и он в том числе) решили мстить слабой половине человечества за нанесенные им обиды. – Да в наших действиях ничего ужасного не было, – тут же поспешил оправдаться он, чтобы не упасть в глазах девчонки, – за исключением Иркиного спортивного костюма. Это случайно получилось, а так мы мелким хулиганством ограничились. Помнишь, в классе тараканы разбежались?

– Кто не помнит этот кошмар! Я тогда визжала, как резаная.

– Мы с Колькой постарались, – признался Борька. – Было такое, что Юрка заведенный будильник к Маринке в сумку подбросил. Я глобус по шву распилил пополам, засунул в

него вибрирующе-хохочущее привидение, потом глобус аккуратно заклеил, а когда география началась, хлопнул в ладоши.

– Переполоху было, когда этот «хохотунчик» из глобуса смеяться начал! – вспомнила Ленка.

Она отошла от Борьки, пытаясь обойти кашу из перемешанного снега, воды и грязи, но он быстро сократил расстояние между ними и, чтобы оказаться еще ближе, взял и перекинул рюкзаки с одного плеча на другое. «Хватит топтаться на месте, пора переходить к активным действиям, выковыривать Ленку из ее черепашьего панциря, – напомнил он себе. – А то опять дойдет до угла – и привет». Борька попытался обнять Ленку, вроде как просто по-дружески положил ей руку на плечо, но она слегка повела своим хрупким плечиком, и его рука соскользнула с ее капронового пальто невесомой пушинкой. Ладно, еще не вечер.

– А правда, что вы Кошке однажды насолили? – снова спросила Лена, будто и не было с его стороны попытки слегка продвинуть их отношения.

– Было дело под Полтавой! – невозмутимо отозвался Борька. – Хочешь, расскажу?

– Конечно. – Она улыбнулась, посмотрела на него, и ее голубые глаза прямо в сердце Борьке проникли.

Нет, он определенно ей нравится. Когда ничего к парню не испытываешь, так смотреть не будешь, подумал Борька, и его настроение заметно улучшилось.

– Фишка «Алло, Петя!» называется, – начал Борька и сбавил шаг, чтобы подольше идти. Ленке поневоле пришлось сделать то же самое. – Набираешь телефонный номер и говоришь чужим голосом: «Алло, это Петя?» Поскольку Петя никакого на другом конце провода нет, там естественно отвечают: «Вы ошиблись». Ты вежливо извиняешься и кладешь трубку. Далее с интервалом минут в пятнадцать начинаешь доставать звонками и требовать Петю. Лучше, если в этом розыгрыше несколько человек поучаствуют, чтобы голоса были разные. Спектакль может длиться долго, все зависит от выдержки его участников. Кошка где-то на шестом звонке сломалась, послала нас далеко и надолго. А мы выждали некоторое время, а потом я позвонил и невинно так сказал: «Это Петя беспокоит. Извините, мне не звонили?» Тут Кошка уже конкретно взорвалась! Обозвала нас телефонными хулиганами и фуфлометами.

Лена рассмеялась. Смех у нее был особенный – как у колокольчика перезвон. Только вот жаль, смеялась она редко.

– Что, так прямо и сказала: фуфлометы?

– Точно не могу поручиться, но что-то в этом духе.

– А ведь глупости все это! – сказала Ленка уже серьезно.

– И я о том же.

– А вдруг у нее определитель номера стоял?

– Не-а. Я из матери информацию вытянул. Сама знаешь, она часто с Кошкой общается.

– Влетело тебе, наверное, когда ваше ОБЖ раскрыли?

– Отец конкретно наехал, но только не из-за ОБЖ этого. Меня в тот момент едва из школы за успеваемость не выперли, точнее, за неуспеваемость. – Порыв ветра разметал длинные волосы Борьки, он отбросил челку, упавшую на глаза.

В последнее время он стал уделять больше внимания своей внешности. Голову каждый день мыл, душ по утрам принимал прохладный для укрепления тела и духа, туалетной водой отца пользоваться стал, ну и шмотки в порядок привел, чтобы Ленке соответствовать. Куртка на нем была канадская дутовая, джинсы черные и длинный пестрый шарф для понта вокруг шеи замотан.

– А как он на тебя наехал? – осторожно спросила Ленка, вспорхнув длинными подкрашенными ресницами.

Борька покосился на нее с высоты своего роста.

– Кредит прикрыл. Выбрал самый действенный метод. Лучше бы выпорол, – полушутя-полусерьезно признался он и неожиданно спросил: – Лен, а ты чего никогда о своих родителях не говоришь?

Она пожала плечами.

– Тебе же известно, что нас с Катькой бабушка растит. А родители... – Она запнулась всего лишь на мгновение. – Они умерли.

– Что, прям вместе? В аварию попали? – ляпнул Борька и обругал себя скотиной безмозглой.

Что подделаешь, не отличался он особой щепетильностью, частенько задавал бестактные вопросы, ставя собеседника в

тупик. Но делал он это неумышленно, скорее от недостатка воспитания, чем в стремлении обидеть человека. Частенько и сам из-за этого страдал, попадая в неловкое положение. Вот как сейчас сказал, не подумав, и только потом сообразил, что с языка сорвалось.

– Ты это, Лен, если не хочешь, не говори, и вообще...

– Ну почему же, – отозвалась она ровным бесцветным голосом. – Папа погиб, когда мне семь лет исполнилось. Катьке два годика тогда было. Его машина сбила. А мама... – Лена едва слышно вздохнула, и только лишь потому, что Борька наблюдал за ней, он это заметил. – Мамы не стало пять лет назад.

«Значит, через три года после смерти отца», – прикинул он в уме.

– У тебя все же сестра есть. А я вот один «любимый», иногда дома словом не с кем перекинуться, – сказал он, сам не понимая, может ли эта фраза успокоить Ленку.

– Да. Я сестру люблю, – согласилась она, повеселев, и его тоже отпустило.

– А чего вы с ней в разных школах учитесь?

– Бабушке так удобнее. У нас ведь во дворе школа есть. Не такая, конечно, хорошая, как наша, но зато рядом. А Катька, она непоседливая, за ней глаз да глаз нужен.

– Зато тебя из дома не вытянешь, – сказал Борька с оттенком досады и тут же, чтобы Ленка не успела опомниться, предложил: – Давай сегодня в «Кашалот» сходим посидим.

Пятница все же.

– Извини, не получится. – Она старательно отводила взгляд, и Борьку это здорово задело.

– У тебя уж вторую неделю не получается, – напомнил он. – Чем ты так занята, может, откроешь секрет фирмы? – В его голосе зазвучала обида и что-то вроде иронии.

Он ждал ответа, но Лена, похоже, не собиралась ему отвечать. Она протянула руку за рюкзаком.

– Мы пришли.

Точно. Они стояли возле ненавистой булочной. Пункт прибытия. Борька неохотно снял лямку с плеча и отдал ей потрепанный кожаный рюкзак.

– Почему я не могу тебя до подъезда проводить? – недовольно проворчал он. – У вас что там, злая собака живет?

– У меня окна на эту сторону выходят, – честно призналась Лена. – Не хочу, чтобы бабушка увидела. Она у меня строгая. А ты если не хочешь, можешь больше меня не провожать, я не обижусь. Ну, пока! В школе увидимся.

Лена зашагала вперед, не оглядываясь.

«Как бы не так!» – подумал Борька, разворачиваясь в обратную сторону. Он не собирался сдаваться. Ленка его здорово зацепила, может быть, он даже в нее влюбился – он пока еще не очень разобрался в своих чувствах. И это в принципе совсем неплохо, что на его пути возникли трудности. Во-первых, настоящий мужчина должен уметь их преодолевать, а во-вторых, то, что легко достигается, никогда не це-

нится. Так говорил его отец. Борька редко с ним соглашался, но это был как раз тот случай, когда он разделял его мнение. И он чувствовал, что нравится ей, как может нравиться парень девчонке, вот только не мог понять, что же ее сдерживает?

Едва Лена вошла в квартиру, как услышала:

– Семеновна, давай споем мою любимую! – и, не дожидаясь согласия, ба запела сильным красивым голосом, не даром она на Волге родилась, там все голосистые.

Ромашки спрятались, поникли лютики...

«Так, яшень пень! Раз до «ромашек» добрались, значит, на кухне широкое застолье», – вздохнула Лена и принялась расшнуровывать потрепанные ботинки на толстой подошве. Но что поделаешь, других пока не имеется, и в обозримом будущем не предвидится. У нее нога почти перестала расти, так что она еще вполне может и в этих в школу походить, а вот у Катюхи с осени лапа вымахала аж на размер, так, глядишь, скоро и ее тридцать седьмой догонит. Тогда все! Полный трындец! Не только разденет, но и разует. А с другой стороны – две пары обуви вместо одной. Меняйся – не хочу! Правда, у Лены есть еще стильные «семисезонные» полусапожки темно-вишневого цвета, вот только их она бережет, редко обувает. И тем более не в такую хлябь, что сейчас на улице.

К тому моменту, когда Лена нашла в коридоре свои тапочки с замятыми пятками, бабушка уже выводила припев

по второму разу, а соседка с первого этажа, Семеновна, которая была на десять лет старше бабушки, подпевала ей то-
неньким высоким голосом:

Зачем вы, девушки, богатых любите,
Одни страдания от той любви...

Лена отлично знала, что здесь поется не «*о богатых*», а «*о красивых*», но бабушка пела эту песню на свой манер. Не зря же она, вздыхая, учила Ленку: «Придет время, девонька, руби сук по себе! Родная бабка плохого не посоветует! Вот мы с твоим дедом Иваном тридцать годков душа в душу прожили, потому что ровня были».

Скорее всего, под воздействием бабушкиных нравоучений Лена и начала встречаться с лопоухим Колькой Ежовым. Он не был ни красивым, ни богатым. Достаток в семье ниже среднего, как принято говорить – не на пороге бедности, но у ее границ. Только в семействе Серовых источник дохода бабушкина пенсия, ее зарплата уборщицы, скромное пособие за умерших родителей да Ленкины приработки шитьем. Шьет она качественно, заказов много, только успевай поворачиваться. А у Кольки Ежова – зарплата мамы со средним образованием да алименты отца, который его бросил. Так что тоже не расшикуешься.

И все же ничего у них с Колькой не получилось, несмотря на социальное равенство. Встретились раз шесть. Как-то он

ее в гости к Юрке Метелкину пригласил. Закончился этот вечер неожиданно. Колька выпил лишнего и признался ей в любви, а потом целоваться полез. А какой девчонке в пятнадцать лет не хочется услышать эти слова и попробовать поцеловаться по-настоящему? Вот Ленка вопреки здравому смыслу и решила, что у них может роман завязаться. А ведь отлично знала, что ничего путного из этого не выйдет. Колька был всерьез и надолго влюблен в одноклассницу Юльку. Да в общем-то он Ленке и не так чтобы нравился. Сказал: «Брось меня!» – она и бросила, и ни капли не расстроилась, напротив, порадовалась даже, когда они с Юлькой помирились.

А вот Борька Шустов... Он парень заводной, любит пошкодить, повыпендриваться на публику. Ну так что ж? Все мы не без греха. Зато есть в нем что-то такое, что выделяет его из общей массы. Живет в нем постоянная готовность совершить поступок, причем неважно какой – хороший или плохой. Это зависело от многих причин – в первую очередь, как говорил сам Борька, «оттого, куда поведет». Сейчас его, к примеру, на хорошее повело – в учебу ударился. Двойки почти исчезли, учителя не нарадуются. И вот теперь этот Борька ходит за ней по пятам, приглашает ее то в кино, то в кафе, а она в тяжких раздумьях пребывает – нравится-то он ей, конечно, нравится, но все ж не одного они поля ягоды.

Девчонки, которым удалось побывать у него в гостях, рассказывали, что кругом такие навороты, что им и не снилось:

обстановка и аппаратура вся импортная, в окнах стеклопакеты, полы с подогревом, свет регулируется от умеренного до сильного. Папик у Борьки крутой, строительной фирмой владеет. Ленкина бабушка у него уборщицей трудится за сто долларов в месяц. Работа пыльная, но не более двух-трех часов в день занимает. Когда генеральная уборка – Ленка и Катька помогают. Борька об этом ничего не знает. Да и незачем ему об этом знать. Она шваброй на каникулах махала у его папика в офисе, плитку кафельную протирала, унитазы драила, а Борька с отцом на Канарах отдыхал. Приехал загорелый, кожа чистая. Куда только прыщики подевались? И мама у него вся из себя ухоженная – макияж, солярий, фитнес-центр и т.д. и т.п. Не работает, разумеется. Ленка ее много раз в школе видела. Ее Кошка часто вызывает.

Завуч у них жандарм в юбке. Чуть что, замечание в дневник: «Прошу родителей явиться в школу». В прошлом году у Ленки книгу отняла, так и не отдала. Сказала: «Пусть родители за ней придут, – потом вспомнила и поправилась: – Бабушка». Как же! Разбежалась – догоняйте! Она не дуручка, чтобы отправить бабушку за книжкой «Сто вопросов и ответов про ЭТО». Ленке ее Наташка дала почитать, подружка из соседнего подъезда, пришлось потом ехать на Арбат и покупать такую же. Подруге без этого пособия не обойтись. Она всегда влюблена. Так устроена. Сейчас она встречается с Эдиком из одиннадцатого класса. А вот Ленка, наоборот, еще ни разу серьезно не влюблялась. А честно признаться –

хочется быть как все.

У них в классе многие стрелой Амура поражены. Лиза Кукушкина в одного из близнецов влюблена, парень в другой школе учится. Ее подружка Туся – в Толика Сюсюку. Теперь он, конечно, никакой не Сюсюка, а нормальный парень, к тому же талантливый баскетболист. У Маринки роман со студентом из иняза, говорят, он был слепой, а потом прозрел. Чего только в жизни не случается?.. Максим вон Елкин на нее поглядывать стал. А все вокруг думали, что он влюблен в Кукушкину навечно. Только Макс ей ни капли не нравится, и потом он отличник. О чем она с ним разговаривать будет? О компьютерах, что ли?

Лена провела рукой по растрепавшимся волнистым волосам и мельком взглянула на свое отражение. Ну милотидная, ну блондинка с длинными волосами, ну глаза голубые... Подумаешь! Все это она уже не раз видела. А с Борькой все как-нибудь само решится. Надоест ему ее тяжелый рюкзак таскать, он и отстанет.

– Ба, я пришла! – крикнула Лена громко.

Песня оборвалась, на кухне завозились, уничтожая следы застолья. А вскоре и ба появилась в дверях. Высокая, дородная, с добродушным круглым лицом и покрасневшими щеками.

– Когда это ты вошла? – Ба деловито вытерла руки о передник. – Что же это я не слыхала, чтобы ключ ворочался?

– Так вы же о любви пели, – сказала Лена, пошла в ванную

мыть руки и услышала:

– Пойду я, Ксения Матвеевна, ты меня не провожай, сама дорогу найду. Ты лучше девчонкам еду разогрей, небось щас и Катька с экскурсии вернется.

Семеновна, вернее сказать, Мария Семеновна Романова, пошла к выходу, но остановилась у открытой двери ванной и, молча понаблюдав, как Ленка намыливает руки, произнесла:

– Ты, Ленка, на бабуку не обижайся. Сама знаешь, какая у нее *жисть* тяжелая.

Ленка обернулась. Худенькая Семеновна смотрела на Ленку пронзительными и мудрыми глазами.

– Я и не обижаюсь, с чего вы взяли, Мария Семеновна?

– Вот и не обижайся, – снова повторила она, уже без укора. – А то, что мы сегодня по рюмочке-другой выпили, так нам сам Бог велел. Во-первых, пенсия сегодня. А во-вторых, день такой – грех не выпить. – Она мельком обернулась назад и голос понизила, чтобы бабушка не услышала. – Мать вашу пропашую помянули.

«Пропашую» сказала, не «пропавшую». Ну что это, если не оговорка по Фрейду, о котором Семеновна, наверное, и не слышала никогда? Соседка ушла, а Лену захлестнули воспоминания, которые она хранила глубоко в себе. Она словно вернулась на пять лет назад в тот февральский вечер, когда мать собралась в магазин.

«Нужно здоровье поправить!» – сказала она, набрасывая черное пальто, и Катька, глупая, которой было пять лет от

роду, повторила за ней: «Нужно здоровье поправить!» А Ленка едва не заплакала. Она хорошо понимала, что означают эти слова. Мать после смерти отца стала спиваться. За три года непутевой жизни и красоту свою растеряла, и саму жизнь. «Не родись красивой, а родись счастливой», – приговаривала мать всякий раз, поправляя здоровье. А когда она напивалась, то плакала и говорила, что не для счастья родилась, и их жалела – сиротами называла.

В тот февральский вечер она домой так и не вернулась. Катька спала, а Ленка сидела и тревожно вглядывалась в темноту за окном. Она очень хорошо помнит, как тогда на улице мело и выюжило. На следующий день кто-то из соседей сказал, что видел, будто из магазина мать уходила под ручку с каким-то мужчиной нетрезвой наружности. Так это или нет, теперь никто не узнает. Только мать после этого пропала, да так, что милиция не смогла разыскать. Сердобольная Семеновна отбила на свои кровные пенсионные телеграмму, приехала бабушка из Волгограда, и они стали жить втроем. Первое время Лена все ждала, что вот откроется дверь и мама войдет в квартиру, потом ждать перестала, а спустя два года поверила, что матери больше нет в живых.

Заслышав шум на кухне, Лена утерла слезы тыльной стороной ладони. Торопливо сполоснула лицо холодной водой. Плакать нельзя. Нельзя, чтобы увидела бабушка, расстроится еще больше, а у нее и так давление высокое. Надо же, как все сложилось сегодня, и Борька ее о родителях вдруг спро-

сил. Она же его не обманула, просто не сказала всей правды. Да и как об этом рассказывать. Стыдно. Когда это случилось с мамой, на Лену столько слухов и сплетен обрушилось, что она долго мучилась вопросом: «Почему люди бывают так жестоки?» Она и в школу другую перевелась, чтобы избежать разговоров в старой.

«Хватит об этом думать, – приказала себе Лена, – поесть быстренько – и за машинку». Ей нужно было дошить к воскресенью платье из крепса соседке по этажу. Та собиралась отмечать свой день рождения в ресторане «Прага». У нее праздник, у Лены – деньги за работу. Бабушкиной пенсии надолго не хватит, все же их трое, а цены на продукты все время вверх ползут, и еще нужно квартиру трехкомнатную оплатить, и телефон – как-никак начало месяца. Да и обновкой хотелось себя порадовать ко Дню святого Валентина. Нужны были туфли. Обувь Лена пока не научилась шить. Она присмотрела одни бежевые лодочки на тонких скошенных каблучках за шестьсот тридцать рублей на распродаже. Из кожи молодой клеенки, конечно, но вполне приличные. Только бы их никто до нее не купил.

– Садись за стол, – сказала ба, едва Лена вошла в кухню, и потерла ладонью желудок.

Ба казалось, что она сделала это незаметно, но внучка увидела и нахмурилась:

– Ба, у тебя опять болит?

– Селедочку жирную съела, вот и заныло немножко.

Пройдет, – суежилась она у плиты.

– Сколько раз просила, сходи к врачу. – Лена усадила ба на стул и сама налила себе щей. Щи на куриных потрошках получились наваристые, в звездочках. – Ты же не маленькая, чтобы тебя за руку вести, – ворчала Лена, уплетая за обе щеки.

Прогулка по воздуху нагуляла аппетит. На плите еще стояла кастрюлька с картошкой-пюре, а на столе та самая селедочка.

– Схожу, схожу как-нибудь, – рассеянно пообещала ба в сотый раз.

Лена в сотый раз поверила. Знакомая картина, не правда ли? Вместо того чтобы настоять и, если нужно, за руку отвести, мы всегда выбираем путь наименьшего сопротивления.

– Лен, а нарисуй моей Ритке новое платье.

Старая швейная машинка «Радом» замедлила ход: раньше поляки умели делать, двадцать лет этой машинке, а бега-ет как новая, при должном уходе, разумеется.

– Мне некогда, Кать. Давай завтра, у меня что-то пройма сборит, – огорченно отозвалась Лена. – Сама знаешь, у Нины Васильевны день рождения, она платье ждет.

– У моей Риты тоже день рождения, – схитрила Катька. – Что же получается, у соседки будет наряд к празднику, а у моей любимой куклы нет?

Машинка остановилась. Лена подняла голову от шитья. На нее смотрели самые доверчивые глаза в мире, но и самые хитрые. Катька была похожа на отца. Лена на маму. У Катьки были темно-каштановые волосы, заплетенные в косы, и карие глаза. Их редко принимали за сестер, но это не мешало Ленке горячо любить младшую сестру. Та хорошо училась, несмотря на свою неусидчивость. И память у нее была отличная. Прочитает один раз параграф – и шпарит как по писаному. Ленке, в отличие от сестренки, приходилось трудиться над уроками, чтобы средненько учиться.

– Лен! – напомнила Катька елеинным голоском.

– Ладно, – сдалась Ленка. – Тащи сюда куклу.

– Ура!..

– Тихо! – цыкнула на нее Ленка. – Забыла, бабушка спит?

– Забыла, – шепотом откликнулась Катька, прикрыв рот рукой, а потом соскочила со стула и отправилась в комнату за своим богатством.

Рита у Катьки была особенной. Года три назад Лена нарисовала сестре собственную куклу, чтобы та тайком не брала ее любимую Вику. Откуда у Лены взялось это увлечение – рисовать бумажные куклы и одежду к ним? Кто знает. Она помнила только то, что моделировать и превращать свои замыслы в реальность на бумаге она стала едва ли не раньше, чем научилась читать. Вскоре ее игра «наряжать» превратилась в болезнь. Лена дня не могла прожить без фантазий. Чем новеньким порадовать свою Вику, когда та пойдет в кино, или в школу, или к подруге в гости? Ленка и свою подругу Наташку заразила этой болезнью. Они часами просиживали за столом, изобретая новые наряды для своих бумажных кукол. Позже, когда подруги повзрослели, у их бумажных Барби, конечно же, появились свои Кены. Лена нарисовала. Изменилась ситуация, изменились туалеты и игры. Теперь девчонки все чаще закрывали дверь. Когда появлялась свободная минутка, они разыгрывали любовную романтическую историю со своими куклами, беря на себя по очереди роль Кена и Барби. А примерно год назад Наталья сказала: «Все! Хватит дурью маяться. Мне это больше не интересно!» – подразумевая, что пора повзрослеть и самим романы с какими-нибудь Кенами завести.

Лена тогда (не без тайного огорчения) убрала свою Вику и ее друга со всем их гардеробом в коробку и припрятала до лучших времен. Скоро, похоже, это наследство Катьке отойдет. Она уже о мальчишках разговор изредка заводит.

– Вот! – Катька выложила на стол коробку из-под «Ассорти» с розами, где хранилось ее богатство, и цветные карандаши.

Ленка, как всегда, расстроилась, взглянув на набор карандашей в три яруса и тридцать шесть цветов. Некоторые карандаши, вернее, не некоторые, а самые ходовые и красивые цвета после года пользования ими больше походили на огрызки, чем на карандаши. Но где теперь купишь такие красивые оттенки и такой необычный набор? А если они где-то и продаются, так, наверное, бешеных денег стоят. Ничего, и этими еще вполне можно порисовать, всего лишь нужно надеть колпачки от ручек на огрызки, чтобы удобнее было держать в руках.

– Ну, что тебе рисовать?

– Платье. Ей же восемь лет исполняется, – сообщила Катька и добавила: – И подарок.

– Мишку, что ли, плюшевого?

– Ага, как у Сафроновой, – согласилась Катька, улыбаясь. – А еще, Лен, ты ей брюки новые нарисуй, нет, лучше джинсы клеш с вышивкой.

– Ладно. А к ним свитер новый нужен, на улице еще холодно, – загорелась Ленка, обводя контур куклы.

В ее голове уже рождался замысел очередного бумажного шедевра.

А час спустя к ней на кухню заглянула довольная Катька.

– Лен, тебя какой-то парень по телефону домогается. Сказал, что одноклассник.

Щеки у Лены вспыхнули.

– Так уж и домогается, – проворчала она, однако быстро вскочила и побежала в комнату. Катька припустилась за ней.

– Да... – Голос Лены слегка дрогнул.

– Лен, это я.

– Да, – снова осторожно сказала Лена, услышав голос Борьки. Впрочем, сердце и без того подсказывало ей, что звонит именно он. – Что-то случилось?

– Нет. Ничего не случилось... плохого, – добавил он в конце.

– А зачем ты звонишь? – спросила Лена и краем глаза заметила любопытную Варвару с бумажной куклой в руках.

Вот хитрюга – подслушивает! Она отвернулась к стенке и зажала трубку рукой. Не то чтобы Лену потряс этот звонок, нет, конечно. Борька ей и раньше звонил. Например, когда задание забывал записать или нужно было предупредить, что собрание перенесли. Но чтобы так, без дела, тем более они расстались несколько часов назад.

– Сам не знаю, – ответил Борька, шумно вздохнул и вдруг сказал: – Нет, вру, знаю. Просто захотелось услышать твой голос.

Тут у Лены подкосились ноги. Хорошо, что табуретка всегда была рядом с телефоном. Она опустилась на нее. Услышать ее голос!

«Ой! Мамочки! Что же это делается?!» – пронеслось в голове.

– Лен, ты еще здесь? – спросил Борька, встревоженный ее молчанием.

– Здесь, – отозвалась она, совершенно в этом не уверенная. Состояние было странное – космическое, прямо скажем, состояние: она вроде как сидела на табуретке, а на самом деле воспарила куда-то под небеса.

– А я испугался, что нас разъединили. Давай поболтаем?

– Давай. А о чем?

– Не знаю. О музыке. Тебе Эминем нравится?

– В общем-то, нравится, – увереннее сказала Лена.

– Хочешь его последний диск послушать?

– Конечно хочу!

У нее сидишника не было, но Наташка иногда давала свой послушать разные группы, чтобы Ленка не отставала от жизни. Сама Наталья колбасилась от попсы, однако и к рэпу относилась с уважением. А тут все же новый диск Эминема.

Они с Борькой проговорили минут сорок. О музыке, о школе, в общем, обо всем понемножку. Ленка поймала себя на том, что все время улыбается. Разговаривать с ним было легко. Кажется, он готов был говорить с ней всю ночь, Лена не возражала, если бы не бабуля. Та уже несколько раз мимо

прошла, намекая, что пора и честь знать. И Борька словно почувствовал это.

– Наверное, поздно уже.

– Наверное.

– Будем прощаться?

– Давай, – неохотно согласилась она.

– Тогда спокойной ночи. Да, Лен, я тебе завтра диск принесу.

– Ладно. Ой! – выкрикнула Ленка, но в трубке уже слышались короткие гудки.

«Как же завтра? Ведь завтра суббота. Он, вероятно, перепутал, хотел сказать, в понедельник в школу, а вышло завтра», – подумала Лена.

Но она ошиблась.

Если Борька говорил завтра, значит, завтра – и ни минутой позже.

На следующий день ближе к часу в дверь позвонили.

«Кто бы это мог быть?» – переглянувшись она с бабушкой и Катькой и пошла открывать. Звонок был незнакомый. Семеновна звонила отрывисто, по несколько раз нажимая на кнопку. Катькины подружки словно азбуку Морзе отбивали. Наталья звонила один раз длинно, потом ждала и, если ей долго не открывали, повторяла звонок. А тут...

Лена посмотрела в глазок: на площадке стоял Борька. Она поспешно одернула спортивную рубашку поверх вельветовых брючек, провела расческой по волосам, досадуя, что

под рукой нет губной помады, и только после этого открыла дверь.

– Привет! – Борька улыбался так широко, словно она пригласила его в гости и он ждет не дождется, когда же этот праздник состоится.

– Ты откуда мой номер квартиры узнал?

– Мои проблемы, – отмахнулся он от такого несущественного вопроса. – Вот. Я диск принес. Может, вступишь?

Тут и ба подключилась:

– Кто там, Алена?

– Это ко мне, одноклассник. Проходи, – пригласила Лена Борьку и отступила в глубь коридора.

Борьку трудно было смутить, он по жизни был как пуленепробиваемый жилет. Быстро освоившись в прихожей, он повесил свою канадскую куртку на крючок и стал расшнуровывать ботинки.

– У меня тапочек сорок пятого размера нет.

– У меня сорок второй, – охотно уточнил он. – Но ты можешь не беспокоиться из-за такой ерунды, я и в носках похожу, мне не привыкать. Дома я вообще босиком шлепаю.

«Еще бы, по теплым-то полам!» – подумала Лена. И еще она подумала, что теперь нужно что-то ба объяснять. Катька непременно прибежит. О! Уже тут как тут!

– Здравсте, я Катя. – Она протянула Борьке ладошку ребром, пальчики все один к одному сложенные. И где только научилась?!

– Здраво! – поздоровался Борька. Он всегда так здоровался с ровесниками и потряс ей руку. – Я Борька. А то, что тебя Катериной зовут, я, представь себе, знаю.

– Это ты вчера вечером звонил? – хитро прищурилась сестра.

– Ага, – не стал отпираться Борька.

Катька, удовлетворив свое любопытство, уступила место ба.

– Ба, это Боря. Мы с ним вместе учимся, в одном классе, – сказала Лена, чувствуя некоторую неловкость. К ней еще никогда не приходили в гости мальчики, а точнее сказать, не сваливались как снег на голову, без всякой подготовки. Кто знает, как ба к этому отнесется?

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Борька.

– Здравствуй, здравствуй, – сказала ему ба и посмотрела так, словно рентгеновскими лучами просветила. – Меня Ксенией Матвеевной величают. Запомнить не трудно.

– Я запомню, – пообещал Борька.

– Ба, мне Боря кассету принес послушать. Мы с ним в комнату пойдем посидим.

– Чего ж не посидеть, посидите, – разрешила ба.

Ленка взяла Борьку за руку и повела к себе. В комнате, едва закрылась дверь, она попыталась разъединить их пальцы, но ей это не сразу удалось, Борька отпустил ее неохотно. Его изучающий взгляд скользил по дешевым обоям, удобной, но старой мебели, ее письменному столу, на котором не было

компьютера, как у многих ее одноклассников, взгляд задержался на постели, прикрытой простеньким покрывалом, а потом переместился на нее.

– Вот, значит, как ты живешь.

– Да, вот так я и живу, – сказала Лена с вызовом и скрестила руки на груди.

– Хорошо у тебя, – неожиданно признался Борька, – уютно. Знаешь, – его карие глаза тепло улыбнулись, – бабкину квартиру напоминает.

– А где твоя бабушка живет? – заинтересовалась Лена, забыв о своих волнениях.

Она боялась показаться убогой вместе со своей комнатой, а оказалось, что Борьке здесь нравится и он вовсе не сноб, как она о нем думала.

– В Северодвинске. Есть такой городок на Беломоре. Отец ее сюда зовет, а она не едет. Сказала, что умирать будет в своей кровати.

– Умирать? – Ей стало не по себе.

– Нет, это она так образно выражается, – поспешил успокоить ее Борька. – Она у меня крепкая, на охоту ходит. Лыжные забеги такие устраивает, что мне ее не догнать.

– Тогда хорошо! – расслабленно улыбнулась Лена, страх в сердце мгновенно растаял. Просто боится она этого слова, за которым ничего, а может быть, наоборот, целая вечность. Кто знает? Но думать об этом не хочется, когда впереди целая жизнь. Лена тряхнула головой, избавляясь от неясного

беспокойства, и спросила: – А ты часто бабушку видишь?

– Не очень. Собирался на эти каникулы к ней съездить, да мать настояла на море. А это твои родители? – Борька взял фотографию в рамке с книжной полки.

– Да.

– Красивая у тебя мама, – каким-то особенным голосом сказал Борька и вернул фотографию на место. – Ты на нее похожа.

– Все так говорят. Ну чем займемся?

Борька виновато улыбнулся:

– Ты не сердишься, что я вот так понахалке приперся?

– Теперь уже не сержусь. Ты, кажется, ба понравился.

– Так я же обаятельный! Ты присмотришься ко мне. – Он повернулся в профиль, чуть приподнял пальцем кончик своего носа и скосил глаза на нее. – Ну как? – Ленка не выдержала и расхохоталась. – А где у тебя плеер?

Ее смех мгновенно оборвался.

– Зачем он тебе?

– Хотел, чтобы ты песню одну послушала прямо сейчас.

– Он... он у Наташи. Это моя подружка. Она тоже на «горбушке» какой-то новый диск прикупила, в общем, я дала ей свой плеер на вечер, – вдохновенно врала Ленка, понимая, что иного пути нет.

– Как же она без плеера обходится?

«Тебе такое и представить трудно», – усмехнулась про себя Лена и, вспомнив, что Наталья ей недавно хвасталась, ска-

зала:

– У нее старый сломался. Ей мама новый обещала купить, какой-то МП-3 с флешкой.

– Зашибись! – уважительно отозвался Борька.

А спустя полчаса к ним заглянула ба.

– Идите руки мыть. Обедать будем.

Она не спрашивала: хочет Боря обедать у них или нет, она просто ставила их перед фактом, но Боря, кстати, не соби-
рался возражать. Он с удовольствием вымыл руки и сел за
стол, когда его пригласили.

– У нас все по-простому, Боря, без всяких там дипломати-
ческих церемоний, – предупредила ба, наливая вчерашние
щи в его тарелку. – Что есть на столе, то и ешь. Это вот щи.
Вчера варила, а щи, Боря, на второй день всегда вкуснее, чем
в первый.

Борька склонил голову над тарелкой, повел носом:

– Божественно пахнет.

– Что запах, ты вкус оцени.

Он схватил ломоть черного хлеба, и рука с ложкой замер-
ла над тарелкой.

– А сметанки нет? – Он оглядел стол, на котором были
хлеб, любимая селедка ба, сыр и вареная колбаса и еще са-
лат с крабовыми палочками (это ба постаралась по случаю
гостя).

– Нет. Купить забыли! – отрезала Ленка.

Борька смутился, скулы его порозовели.

Он зачерпнул щи, проглотил, а потом его ложка замелькала с такой скоростью, что у Ленки сложилось впечатление, что парня дома не кормят. По крайней мере горячим.

– Добавки хочешь? – спросила ба, улыбаясь. Ей всегда нравилось, когда у мужчин здоровый аппетит. – Давай еще половничек подолью.

– Нет, спасибо. Очень вкусно. Я таких щей никогда в жизни не ел, – счастливо вздохнул Борька, поглаживая себя по животу.

– погоди! Ты еще моего пирога с рыбой не пробовал, – пообещала ба.

Тут Ленка окончательно поняла, что Борька каким-то непостижимым образом протоптал дорожку к бабушкиному сердцу. Один Бог ведает, как ему это удалось за такое короткое время.

Потом они пили чай с шоколадным зефиром, который ба где-то припрятывала для случая. А уже после чая Лена вышла проводить Борьку.

– Вот видишь, ничего страшного не случилось. – Борька чувствовал себя героем. – И бабушка у тебя нормальный чел! Чего ты так боялась?

– Ну да. Пришел, увидел, победил! Смотри не возгордись! – предупредила Лена.

– Лен, а давай завтра в кино пойдем? На «Матрицу-2»?

– А на какой сеанс?

– В семь. На «Баррикадную». Я билеты куплю. В шесть за

тобой зайду. А?

– Хорошо, – улыбнулась Ленка.

– Тогда до завтра. – Борька пошел по тротуару, развернулся. – Я сегодня перед сном тебе позвоню. Можно?

– Что-то не припомню, чтобы ты вчера разрешение спрашивал, – шутливо ответила ему Лена.

– Виноват. Исправлюсь. Уже исправляюсь. – Борька приложил к груди руки в кожаных перчатках. Он шел, пятясь задом, как рак. – Так можно?

– Упадешь, дурачок!

– Можно? – не отступал он.

– Можно. Звони, только не позже половины одиннадцатого! – Лена махнула ему рукой на прощанье.

На ней были красивые варежки с рисунком. Их связала Ира Дмитриева в благодарность за то, что Лена к Новому году сшила ей платье для школьного бала.

Людмила Романовна Шустова тревожно прислушалась: поет!

Нет! Это надо же?! Ее сын поет! Голосит на всю ванную под шум льющейся воды: «Куда ты денешься, куда ты денешься, когда согреешься в моих руках, сперва забудешься, потом заблудишься, потом окажешься на облаках...»

Ни много, ни мало! Согреешься, заблудишься...

Людмила Романовна, редко утрачивающая контроль над ситуацией и собственными эмоциями, неожиданно растерялась. И есть отчего! Сын, кажется, серьезно влюбился! Когда это происходит в первый раз, для матери это всегда событие и всегда неожиданное. А тут все признаки налицо – поет о любви, стал по утрам душ принимать, зубы два раза чистит – утром и перед сном (она щетку проверяла – мокрая). Мало этого, одеколоном поливается, кстати, нужно напомнить, чтобы потреблял, но не злоупотреблял, и, главное, рубашки и носки меняет каждый день, ясно, что хочет понравиться какой-то девочке. Вопрос: какой? С этим нужно разобраться.

Единственное, что Людмила Романовна Шустова любила в этой жизни больше, чем саму обеспеченную жизнь, был ее сын Боря. Ради его благополучия она готова была на все. Муж не раз говорил ей, что этой бездумной (именно без-

думной, а не безумной) любовью она губит сына, что детей нужно воспитывать, а не взращивать, как цветы на даче. Но Людмила Романовна только отмахивалась. Для нее не существовало авторитетных мнений в вопросах воспитания. Материнское сердце – вот главный критерий, когда речь заходит о детях.

Но тут ее размышления и тревоги по поводу влюбленности сына прервал звонок в дверь.

«Кого это ни свет ни заря несет?» – раздраженно подумала мадам Шустова и пошла открывать.

Действительно, визитер выбрал не слишком удачное время, стрелки часов едва перевалили за десять, но, видимо, тот, кто решился побеспокоить людей в столь ранний час в воскресное утро, испытывал в этом острую необходимость.

– Юрочка, проходи, – расцвела в улыбке Людмила Романовна.

Она всем материнским сердцем одобряла дружбу сына и Юры Метелкина. Семья у него была положительная во всех смыслах. Отец возглавляет филиал банка «Северные россыпи», намек на алмазы Якутии, а мама трудилась переводчицей в совместной японско-российской фирме. В общем, их уровень.

– Здравствуйте, Людмила Романовна. – Юра поздоровался громко и, как показалось мадам Шустовой, был излишне возбужден.

– Что-то случилось, Юрик?

– Нет, мне Борька нужен. Он дома?

– Дома. А где же еще ему быть в десять часов. Он в ванной. Я ему сейчас скажу, что ты пришел. Проходи.

Пока мадам Шустова говорила, Юра повесил куртку и пошел в комнату к Борьке.

Людмила Романовна проследила за ним взглядом и, подойдя к двери в ванную, стукнула в нее костяшкой пальца:

– Боря, к тебе Юра пришел. – Она приложила ухо к двери:
– Ты слышишь?

Шум воды прекратился. Водопад внезапно иссяк.

– Да, слышу. Я сейчас. Скажи ему, чтобы у меня посидел.

– Уже. Не спеши и как следует вытри ноги. Помни о паркете.

Мадам Шустова отправилась в комнату сына, попутно заглянув в спальню – муж спал, раскинувшись на кровати. На своей кровати. Они давно уже спали в разных постелях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.